

Е. А. Маханьков

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Поэтика рассказа Гайто Газданова «Черная капля»

Маханьков Є. А. Поетика оповідання Гайто Газданова «Чорна крапля». У статті відрефлектовано художній світ газданівського оповідання, проаналізовано систему персонажів, здійснено мотивний аналіз, визначено жанрову форму, досліджено метафізичний аспект твору. Виявлено важливу структуротвірну і концептуалізуючу роль в оповіданні притчових претекстів. Показано, що оповідання в концентрованому вигляді містить основні естетичні коди, що отримали свій розвиток у подальшій творчості письменника.

Ключові слова: *поетика, претекст, метафізика, тілесність, мотив, код.*

Маханьков Е. А. Поэтика рассказа Гайто Газданова «Черная капля». В статье отрефлектирован художественный мир газдановского рассказа, проанализирована система персонажей, произведен мотивный анализ, обозначена жанровая форма, исследован метафизический аспект произведения. Выявлена важная структурообразующая и концептуализирующая роль притчевых претекстов. Показано, что рассказ в концентрированном виде содержит основные эстетические коды, получившие свое развитие в дальнейшем творчестве писателя.

Ключевые слова: *поэтика, претекст, метафизика, телесность, мотив, код.*

Makhankov E. A. Poetics of a Gaito Gazdanov's short story "Black Spot". The article is devoted to attempt of giving a reflection of Gaito Gazdanov's art world. It keeps on trying to analyze the system of characters, to make a motif analysis, to define a genre and to outline a metaphysical aspect of an art work. Important structure-forming and conceptual role of parabolic pre-texts in the short story is shown. The article is trying to demonstrate that the short story maintains in a concentrate shape all of aesthetical codes, evolving in the writer's further art work.

Keywords: *poetics, pre-text, metaphysics, bodyness, motif, code.*

Рассказ «Черная капля» при жизни писателя не публиковался. Лишь в 1997-ом году, когда для исследователей был открыт архив Газданова, возникла возможность с ним ознакомиться. Однако до сих пор ни в отечественном, ни в зарубежном газдановедении так и не появилось ни одного концептуального исследования, посвященного этому тексту. Исключение представляет статья Е. Проскуриной [6], однако в ее работе «Черная капля» является скорее поводом для разговора о поэтике женских образов Газданова, чем самоценным объектом рефлексии. Задача настоящего исследования – отрефлектировать художественный мир газдановского рассказа, вскрыть его существенные характеристики как «закрытого» целого, а также как инвариантной единицы, несущей весь потенциал газдановского мирообраза.

«Черная капля» – одно из ранних произведений Газданова, считается, что оно написано в 1930-ом году, то есть почти одновременно с романом «Вечер у Клэр». Роман стал событием для русской эмигрантской литературы, хвалили безупречный и тонкий его

стиль, рассказ же – неожиданно слабый, как стилистически, так и композиционно, и может быть причислен к авторским неудачам. Е. Проскурина называет его «во многом несовершенным произведением» [6]. Т. Красавченко дополняет: «Хранящиеся в архиве художественные тексты, хотя зачастую и слабее уже опубликованного, тем не менее существенно дополняют сложившееся у читателя впечатление, раскрывают тайники творческой лаборатории писателя, направления, эволюцию его эстетических исканий и представляют интерес для тех, кто хочет познать творчество Газданова в его цельности, в разных его измерениях, в том числе измерениях эксперимента и неудачи» [2].

Видимо, писатель и сам понимал, что рассказ неудачен, этим, во всяком случае, можно было бы объяснить нежелание автора его публиковать. Однако более перспективным является взгляд на это произведение под иным углом зрения. Представляется, что во многом художественное несовершенство «Черной капли» было predetermined попыткой реализовать особую авторскую интенцию. Желая

осмыслить и представить в «простой», сжатой форме всю сложность собственного мировидения, Газданов стал жертвой паныдейности и жесткого жанрового канона притчи.

Фабула рассказа чрезвычайно проста: особенно сильная любовь «старого бога» к младшему из своих сыновей порождает желание оградить чадо от «скучных и печальных вещей», от «сожаления, сострадания и грусти» [1:496]. «Знание делает бога грустным», – говорит он и создает для сына прекрасный остров, где тот должен будет жить в неведении один. Каждую неделю приходил «старый бог», чтобы узнать, как «молодой» проводит свое время. Но однажды «молодой» бог усомнился: «Отец говорил мне, что мои братья и сестры стали грустными потому, что знают скучные и печальные вещи. Но разве нельзя сделать так, чтобы вещи были иными? Вот я создам существо, в котором будет жизнь и радость, которое будет чистым и прозрачным, как воздух, – и которому будут чужды раз навсегда печаль и скука – и ни в ком никогда оно не вызовет этих чувств» [1:497]. Из воды, цветов, травы и воздуха «молодой» бог сотворил женщину, однако в тот же момент над нею пролетела «чья-то громадная тень» и уронила на бело-розовое тело черную каплю, которая, как потом объяснит сыну «старый» бог, опечаленный нарушением запрета, станет местом для «страсти, печали и боли». «Теперь же судьба ее определена заранее», – говорит он, и оба они наблюдают из эмпирей за земною жизнью существа.

Уже при первом прочтении текста нетрудно наметить абрис его интертекстуального поля: очевиднее всего аллюзии на Книгу Бытия (на те ее главы, которые повествуют об утрате первыми людьми Рая), библейскую Песнь Песней и Екклесиаст. Е. Проскурина указывает также на типологическое сходство зачина газдановской притчи с известным жизнеописанием Гаутамы Будды и его изоморфа – «Повести о Варлааме и Иоасафе» [6].

Все эти претексты, очевидно, были призваны засвидетельствовать желание писателя оставаться в русле традиции в отношении жанровой формы притчи, сделать акцент на проблематике, на многомерном идейном комплексе. Подобный подход, как оказалось, себя не оправдал, поскольку притча – это «эпический жанр, представляющий собой краткий назидательный рассказ в аллегорической, иносказательной форме» [3:808], а значит изначально противоречащий развившейся у раннего Газданова манере «текущего» текстопорождения (как в романе «Ве-

чер у Клэр»), когда безостановочный поток ассоциаций входит в конфликт с жанровым канонем, запрограммированным на дидактическое выражение «истины».

При всей «традиционности» включенных в художественный мир «Черной капли» претекстов важно отметить, что писательская стратегия здесь особая: Газданов не хочет ни дополнять их, ни искать каких-либо символистских соответствий, наоборот, – выраженные предельно имплицитно, они являются лишь оболочкой, в которую писатель заключает «свои» смыслы и коды. Так, например, в Книге Бытия, повествующей о грехопадении, деактуализирован мотив сознательного выбора: газдановское существо обречено на немедленную утрату Рая уже фактом своего рождения. Песнь Песней («Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и *пятна нет на тебе* (курсив мой – Е. М.)» (Песнь Песней, 4:7)) своеобразно трагифицируется, ибо «в реальности тремя черными следами помечено и мужское тело, однако писатель игнорирует этот факт» [6]. Что же до жизнеописания Гаутамы Будды, то, несмотря на сходную сюжетную канву, из него извлечена какая бы то ни было религиозная составляющая, и акцент перенесен в сферу чисто метафизической проблематики – «знание делает бога грустным».

О метафизическом аспекте газдановской притчи следует поговорить особо. Как справедливо отмечает Т. Красавченко, «при явно феноменологическом подходе к изображению мира, т.е. конкретности, детальности его описания, чувственному восприятию его, свойственному прозе писателя в целом, очевидна склонность Газданова к метафизике: он дает свое, трогательное, не лишенное наивности изложение мифа не столько о сотворении человека, сколько об утрате им рая» [2].

Метафизика – философское учение о сверхопытных началах и законах бытия вообще или какого-либо типа бытия [4:541]. Как таковая, она органически вплетена в идейно-эстетическую целостность газдановской притчи, о чем свидетельствует и комплекс претекстов, и предельно обобщенный хронотоп, и специфика персонажей, и экзистенциальное проблемное поле «Черной капли». Последнее реализует себя в целом комплексе проблем, как гносеологического, так и онтологического характера. Симптоматично, что в художественном мире газдановской притчи «акт творения происходит в тот период, когда в мире уже существует зло» [6]. Так писатель актуализирует одну

из главных экзистенциальных проблем принципиальной и неразрешимой несвободы человеческого бытия. «Теперь же ее судьба определена заранее», – говорит сыну «старый» бог [1:498].

К моменту написания «Черной капли» Газданов еще не был готов наметить скольконибудь удовлетворительный путь к преодолению человеком своей несвободы. Разрабатывать художественные решения этой проблемы он станет несколько позже, главным образом, в романной форме, отсюда и явно трагическое звучание всей притчи. Оно не снимается даже тем, что день, когда появились люди, старым богом был назван днем земной смерти матери молодого бога, поскольку в художественном мире «Черной капли» подобная жертва лишена своей искупительной силы.

Природа газдановского трагизма в «Черной капле» непосредственно связана с системой персонажей как концептуальной составляющей ее художественного мира. Как уже было сказано, из проблемной сферы рассказа целиком убрана религиозная мотивация. Газданов исходит из небиблейской «божественной традиции»: его персонажи названы богами только потому, что слово бог наиболее кратко и емко называет вневременное сущее. Христианская традиция, согласно которой Бог вездесущ, всеведущ и непогрешим, претерпевает разрушение, помимо прочего, концепцией дважды ошибающегося бога (ошибается «молодой» бог, потерявший контроль над творением, ошибается и «старый»: «Я забыл, что в начале человеческой любви были радость и счастье...» [1:499]), и это, в свою очередь, наделяет их слишком человеческими характеристиками. Важно подчеркнуть, что полноценных «человеческих» персонажей в художественном мире газдановской притчи нет: их, следуя за Лейбницем, вернее всего можно было бы назвать «персонажами-монадами», поскольку они предельно одномерны, функционально неделимы и семантически замкнуты.

Сложнее обстоит дело с единственным женским образом. Он является доминантным элементом развития метафизической составляющей, если говорить о «Черной капле» как о «закрытом» тексте. Однако в метатекстуальном целом газдановской прозы этот персонаж становится мотивом, несущим одну из главных авторских интенций, связанную с особенностью поэтики женских персонажей.

Е. Проскурина справедливо отмечает: «В исследованиях творчества Газданова до-

минантной проблемой является сфера героя. По отношению же к героине активного интереса у газдановедов не возникает. Более того, здесь априори сложилось стойкое мнение, что автор не умеет писать женские персонажи» [6]. Несостоятельность этого «стойкого мнения» легко обнаружить, если учесть, что во всем художественном творчестве Газданова сфере героини вменен особый семантический код, вступающий в противоречие со ставшим традиционным кодом русской классической литературы. «Как известно, в русском классическом тексте, ориентированном на построение нравственного образа героя, героине принадлежит особая миссия, в связи с чем авторы подчеркивают наличие интенсивного внутреннего плана, духовной составляющей в ее облике, что отражается в портретной характеристике» [6].

В творчестве Газданова, наоборот, «духовная составляющая» почти всегда является прерогативой героя, героиня же наделена, прежде всего, физической привлекательностью. Другими словами, она является воплощением метафизики телесного, причем консеквентность, с какой писатель воплощает в своих художественных мирах эту установку, позволяет говорить о ней шире – как о мотиве телесного, связанном неразрывно с женским образом. Обоснованность такого замечания легко проиллюстрировать на примере репрезентативных образов: Клэр («Вечер у Клэр»), Аглаи Николаевны и Одетт («История одного путешествия»), Елены Николаевны («Призрак Александра Вольфа»), Лиды («Возвращение Будды»), Эвелины («Эвелина и ее друзья»). Все они отмечены печатью «присутствия телесности». Образ Клэр во многом симптоматичнее других, поскольку является психологически и акционально редуцированным из-за включенности в пластический ассоциативный, предельно субъективированный мир героя.

Чрезвычайно большое значение женский образ имеет для метафизики притчи «Черная капля». Он, как уже было сказано, откровенно телесно акцентирован, более того, семантическое ударение усиливается еще и тем, что персонаж этот совершенно бессловесен. Читатель лишен возможности какого бы то ни было соприкосновения с психическим и, шире, духовным его миром через вербальную составляющую. Цель автора – придать образу предельно обобщенный смысл символа. Прежде всего, телесность актуализует антинормию: земное – внеземное. Она подчеркивается тем, что материалом для овеществления

существа «молодой» бог выбирает элементы собственного внеземного мира, хотя самое созданное существо мыслится как причастное миру земному. Следует также обратить внимание на то, что мерой хронологического такта для «молодого» бога является прецедентный отрезок в шесть дней (очевидная аллюзия на Книгу Бытия, из которой известно, что Бог создал человека на шестой день): «...Я буду приходить к тебе каждую неделю, а ты мне расскажешь всякий раз, как ты проводил свое время» [1:496].

Таким образом, совершенно очевидно, что женское тело в художественном мире газдановской притчи является амбивалентным конструктом метафизической потенциальности: сквозь него просвечивают и своеобразно преломляются два мира – земной и запредельный, – а грань между ними, как тонко демонстрирует писатель, совсем не очевидна и в целом диффузивна.

Отчетливо прослеживаются особенности усложнения хронотопа, для которого актуализирующим фактором является овеществленная телесность. Если в зачине рассказа топос представлен в самом общем виде запредельности («Очень далеко отсюда, там, где кончаются все страны и где нет ничего, кроме синего воздуха и солнечного света» [1:496]), то с переносом тела существа из эмпирей пространственный континуум локализуется на *Valée Chèvreuse* под Парижем. Такая неожиданная конкретика должна была бы диссонировать со специфичными жанровыми установками притчи, однако она обнаруживает характерные особенности писательского виденья Газданова: посюстороннее для него часто воплощается через элемент автобиографический.

Своеобразие концепции бытия в «Черной капле» также раскрывается через телесность (точнее даже – «низкую» телесность) женского персонажа, при этом важно отметить, что сексуальность, физиологическая, чувственная привлекательность всегда исполнены для Газданова глубокой притягательности. Предельно эстетизирована описанная в притче эротическая сцена, в которой на миг проступает божественная сущность человеческого существа: «Бог видел человека, чьи глаза были погружены в глаза этой женщины, чье тело было так соединено с розовым и белым *божественным* (курсив мой – Е. М.) телом, что нельзя было видеть, где начинается одно и кончается другое, и бог знал, что в жизни этого человека до самой последней минуты, до этого взгляда созданной им женщины – не

было никогда и тени счастья – и вдруг оно стало существовать, как небесные озера его острова» [1:498-499].

Однако, на мгновение исчезнув, «черная капля» проступает вновь: «Нет, – сказал бог, – ты видишь белое и розовое, но ты не видишь черного. Там сейчас боль, потом будет печаль: и без этого все было бы невозможно» [1:499]. Так в «Черной капле» реализуется концепция глубокой трагедийности бытия, вообще характерная для экзистенциалистской картины мира.

Е. Проскурина отмечает: «...у Газданова «низкая действительность» начинает обрабатывать «высокими» коннотатами, что придает ей оттенок глубокого драматизма, вызывая мысль о трагедийности бытия. И носителем этого трагедийного начала у писателя является в первую очередь героиня. Не случайно чувственная сторона ее природы таит в себе болезненность, эманации которой передаются герою. В таком семантическом контексте однотипная внешность героини приобретает значение не столько эмблемы, сколько наложенной свыше печати» [6]. Довлеющая трагедийность бытия, выражающаяся, помимо прочего, в экзистенциалистской формуле «заброшенности в мир», «вынужденной борьбы с безжалостным роком», воплощается в творчестве Газданова также и в момент зарождения чувства. Оно «изображается как наваждение, иррациональный порыв или неподвластная обоим игра случая» [6].

Предпринятая интерпретация, на наш взгляд, актуализирует необходимость существенного уточнения жанровой формы «Черной капли» с учетом непосредственной углубленности ее автора в метафизическую проблематику. Представляется, что формулировка: «метафизический рассказ с элементами притчи», – наиболее адекватно и полно передает смысл авторского замысла.

Подводя итоги, следует сказать, что во многом знаковым представляется привнесение Газдановым в рассказ элементов притчи. Художественная, историческая и культурная преемственность, «беспрецедентно большое значение мифологизма / неомифологизма для литературы порубежного периода, прошитость им самых разных литературных страт» [5:8], а также попытка отрефлексировать некоторые доминанты собственного мировидения заставили писателя искать адекватные способы художественного воплощения его особого чувства жизни.

Являясь во многом авторской неудачей, «Черная капля», тем не менее, представляет

важную веху в писательском становлении Газданова и в зачаточном, концентрированном, более «наглядном» виде эксплицирует некоторые основные и чрезвычайно важные эстетические коды, получившие свое развитие в его дальнейшем творчестве.

Литература

1. Газданов Гайто. Собрание сочинений : В 5 т. Т. 4 / Гайто Газданов ; [под общ. ред. Т. Н. Красавченко ; состав., подгот. текста, Л. Диенеш, Т. Н. Красавченко, С. С. Никоненко и др.] — М. : Эллис Лак, 2009. — 736 с.
2. Красавченко Т. Н. Газданов-экзистенциалист. Два рассказа и фрагмент из архива в Гарварде [Электронный ресурс] / Т. Красавченко. — Режим доступа : <http://www.rp-net.ru/book/articles/materialy/gazdanov/krasavch2.php>.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / [Под. ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН]. — М. : НПК «Интелвак», 2001. — 1600 стб.
4. Новая философская энциклопедия : В 4 т. Т. 2 / Ин-т философии РАН; Научно-ред. совет : предс. В. С. Степин, заместители предс. : А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. — М. : Мысль, 2010. — 634, [2] с.
5. Полонский В. В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX — начала XX века. — М. : Наука, 2008. — 285 с.
6. Проскурина Е. Н. След «Черной капли» в поэтике женских персонажей Г. Газданова [Электронный ресурс] / Елена Проскурина. — Режим доступа : http://www.newruslit.ru/literaturexx/gazdanov/gazd_081204_2.